

© В. А. Ефремов

DOI: 10.15293/2226-3365.1502.03

УДК 811.161.1:34 + 811.111:34

СЛОВАРИ СУБСТАНДАРТА В ЛИНГВОЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ**В. А. Ефремов (Санкт-Петербург, Россия)*

В статье анализируется использование словарей субстандартной лексики при лингвистической экспертизе и приводятся аргументы, доказывающие невозможность ограничиваться в экспертной деятельности исключительно толковыми словарями нормативного русского языка. Цель работы – раскрыть потенциал субстандартной лексикографии в деятельности эксперта в зависимости от типа вербального преступления. В статье анализируется возможность привлечения словарей сниженной лексики в трех типах правонарушений: дела о защите чести, достоинства и деловой репутации, оскорбление представителей власти и преступления, связанные со сбытом или производством наркотиков. Первые два – это наиболее распространенные типы вербальных преступлений. По ним назначают лингвистические экспертизы, проведение которых до сих пор вызывает споры среди профессиональных юристов и лингвистов: что считать оскорблением, любое ли бранное слово автоматически становится оскорбительным, какова роль контекста при классификации того или иного высказывания как юридического случая оскорбления? В работе предлагается методическое решение данных вопросов, опирающееся на авторитет признанных научным сообществом лексикографических источников. Одновременно, в связи с преступлениями, связанными с конкретными узкими стратами жаргона (в частности – жаргона наркоманов), в статье доказывается необходимость пользоваться не только бумажными, но и электронными лексикографическими источниками, в том числе и субстандартной лексики.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, словари субстандартной лексики, вербальные преступления.

Актуальность обращения к теме субстандартной лексикографии в аспекте лингвистической экспертизы связана как минимум с двумя причинами: во-первых, с необходимостью верификации языкового и речевого опыта эксперта с помощью толковых словарей

и, во-вторых, с широким спектром речевых правонарушений (вербальные преступления), использование в доказательной базе которых материалов жаргонной лексикографии может быть не только востребовано, но и в высшей степени оправдано.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты».

Ефремов Валерий Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

E-mail: valef@mail.ru

Важность и значимость рассматриваемого вопроса связана, с одной стороны, с тем, что далеко не всегда лингвист-эксперт хорошо ориентируется в качественной субстандартной лексикографии (современный словарный «бум» привел к невероятному количеству разного рода и – главное – качества словарей, ориентироваться в которых подчас весьма и весьма сложно), а с другой стороны, с демонстрацией возможности использования подобного типа лексикографии в разных делах (от оскорбления и порочения чести и достоинства до распространения наркотиков).

Кроме того, следует признать, что академические фундаментальные толковые словари русского литературного языка не всегда могут помочь при проведении лингвистической экспертизы по ряду причин:

1) хронологические рамки описываемой в них лексики ограничиваются в лучшем случае самым концом XX в. (а, как известно, субстандарт – самая подвижная часть лексической системы языка [1, с. 102–108]);

2) толковые словари литературного языка в силу своей нормативности не могут и не должны содержать большую часть жаргонных и просторечных единиц;

3) даже зафиксированные в «классических» словарях элементы субстандарта сопровождаются не всегда адекватной совокупностью стилистических помет. «В практике составления словарей, – пишет Е. С. Елистратов, – учитываются прежде всего особенности литературного языка, всему остальному отводится лишь ряд довольно абстрактных помет типа *прост.*, *разг.*, *груб.* и т. п.» [2, с. 3]. Кроме того, по обоснованному мнению Н. Д. Голева, «лексикографические пометы, связанные с оценкой слов на шкале инвективности весьма субъективны и непоследовательны, не говоря уже о том, что инвективная лексика “не-

охотно” включается в филологические словари нормативного типа» [3, с. 36].

Итак, **цель** данной статьи – раскрыть потенциал словарей субстандартной лексики в деятельности лингвиста-эксперта при их использовании в лингвистических экспертизах (исследованиях) по делам разных категорий.

Не вдаваясь в подробности истории субстандартной лексикографии, напомним мысль В. А. Козырева и В. Д. Черняк, что именно «в постсоветскую эпоху в связи с общей раскрепощенностью русской речи и массовым проникновением субстандартной лексики в разные сферы функционирования русского языка, в том числе в средства массовой информации, обострился общественный интерес к этому пласту национального языка, что, в свою очередь, стимулировало развитие словарей субстандартной лексики» [4, с. 266]. Среди наиболее авторитетных и наиболее полных современных словарей русского субстандарта, которые можно активно использовать при проведении лингвистических экспертиз по делам разных категорий, выделим три основных: 1) *Грачев М. А.* Словарь тысячелетнего русского аргота. М.: Рипол Классик, 2003; 2) *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000; 3) *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.

Очевидно, что разные категории дел предполагают использование разных словарей субстандартной лексики и в разных аспектах лексикографического анализа.

1. Дела о защите чести, достоинства и деловой репутации

Словари субстандартной лексики в экспертизах по делам такого рода помогают ответить на следующие базовые вопросы, сформулированные К. И. Бриневым: «А. Оскорбительна ли фраза X?

Б. Является ли высказывание оскорбляющим честь и достоинство лица, к которому оно обращено?

В. Представляют ли собой (являются ли) высказывания оскорблением?» [5, с. 236].

Так, в деле об оскорблении адвоката истца со стороны ответчика, бросившего фразу «*Да какой ты, на хрен, адвокат! Что вылутился, с-с-с-сука!*», обнаруживаются не только порочение деловой репутации, но и элементы дискредитации потерпевшего. Использование в общественном месте и в официальной обстановке (судебное заседание) в функции обращения номинации *сука* по отношению к человеку является актом оскорбления, так как содержит ярко выраженную грубую отрицательную оценку, см. словарь В. В. Химики: **сука** – «2. *Грубо*. О человеке, вызывающем своим поведением гнев, неприязнь (обычно о женщине)» [6, с. 526], о чем напрямую свидетельствует стилистическая помета.

Одновременно использование разговорной конструкции *Да какой ты, на хрен, (X)!* также следует классифицировать как порочение деловой репутации: в данной фразеологизованной конструкции ставится под сомнение профессиональная компетенция потерпевшего (адвоката). Кроме того, конструкция носит сугубо оскорбительный характер из-за содержащего в ней субститута матерного слова, о чем напрямую информирует словарь субстандартной лексики (**хрен** – «2. *Неодобр. (бран.)* Эвфем. к х*** (2 зн.)» [6, с. 683]) и что нельзя извлечь из академического толкового словаря (**хрен** – «4. *Грубо*. Бранное обозначение мужчины» [7, с. 1454]). Следовательно, словарь субстандарта позволяет более аргументированно доказать сам факт оскорбления, в полной мере выявляя пресловутую «неприличную форму» высказывания.

Употребление в ходе судебного заседания лексемы *сука* и конструкции *Да какой ты, на хрен, (адвокат)!* свидетельствуют об избранной говорящим стратегии дискредитации. Цель этой стратегии (в формулировке О. С. Иссерс) – «подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах кого-либо» [8, с. 160]. Эти слова, несомненно, можно классифицировать как оскорбление – «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме», по определению А. Н. Баранова [9, с. 538].

Унижения чести и достоинства нарушитель добивается также использованием в качестве оскорбления слова, обычно употребляемого в адрес женщины, – тем самым он унижает не только человеческое, но и мужское достоинство потерпевшего адвоката, как показали наши исследования [10]. Кроме того, как известно, оскорбление относят к категории умышленных правонарушений [11, с. 96], и лингвистический анализ в данной ситуации может эксплицировать наличие соответствующих интенций. Создание негативного впечатления о личности потерпевшего, а также публичное унижение его чести и достоинства было со стороны правонарушителя намеренным: об этом свидетельствуют эмфатическое выделение начального звука [с] в лексеме *сука*, а также такое паралингвистическое средство, как ухмылка.

2. Дела по обвинению в оскорблении представителя власти, судьи и т. п.

В качестве примера рассмотрим экспертизу, инициированную судьей в рамках иска об оскорблении работника патрульно-постовой службы пешеходом, находившимся в состоянии алкогольного опьянения и использовавшим во время своего задержания обscene слова и выражения (предметом экспертизы стали только две конструкции: *иди в*

*n***** и *иди на х***). В работах по лингвистической экспертизе текста доказанным считается тот факт, что оскорбление – это особый тип речевого акта, структура которого включает в себя как минимум три компонента. Во-первых, адресату оскорбления приписывается какая-либо отрицательная характеристика (она может соответствовать или не соответствовать реальности). Во-вторых, эта отрицательная характеристика, как справедливо отмечает А. Н. Баранов, выражается в неприличной форме [9, с. 540–541]. Кроме того, как уже было сказано выше, предполагается ещё один признак – умышленный характер деяния.

Речевой акт оскорбления предполагает, что говорящий приписывает адресату отрицательную характеристику и сознательно делает это в неприличной форме. В связи с этим лингвисты считают необходимым «различать инвективную и неинвективную лексику, т. е. такую, которая предполагает намерение оскорбить или унижить адресата или третье лицо, и такую, которая является экспрессивной (содержит в себе негативную оценку и/или эмоционально-экспрессивный компонент), но такого намерения не предполагает» [11, с. 29]. Как правило, не вызывает сомнения отнесение к инвективной лексике обценных (нецензурных, матерных) слов. Однако в некоторых видах дискурса (в армейской речи, в речи строителей, работников низкоквалифицированных специальностей и т. п.) табуированность обценной лексики снижается или исчезает полностью, т. к. в таких случаях обценная лексика играет роль исключительно маркера принадлежности к определенному социуму и является элементом повседневной речи [9, с. 539]. Кроме того, известная часть обесцененной лексики в неофициальном общении или в производственной ситуации в речи человека низкой культуры часто выступает в функции междометных ситуативных

обозначений предмета разговора или адресата речи (при этом такие слова имеют аморфную – размытую – семантику, обусловленную исключительно данной ситуацией общения), или собственно междометий, выражающих эмоции говорящего, или слов, заполняющих речевые паузы. В этих коммуникативных функциях употребление обценной лексики, как правило, не предполагает интенции оскорбления со стороны говорящего. Имея дело с такими словами и выражениями, важно строго учитывать контекст, в которых данное слово употребляется, оценку и эмоциональную окраску, которую вкладывает в высказывание говорящий, а также его интенции.

Речевое поведение человека в состоянии алкогольного опьянения в анализируемой ситуации задержания представителями власти почти неминуемо будет сопровождаться обценной лексикой. И поэтому использование указанных конструкций в такой коммуникативной ситуации нельзя автоматически рассматривать как речевой акт оскорбления, во-первых, потому, что здесь нет приписывания адресату (полицейскому) никаких отрицательных оценок (нет классической для оскорбления синтаксической формулы *X есть Y*, в которой *X* – оскорбляемый, а *Y* – оскорбительное слово); а во-вторых, с точки зрения лингвистической прагматики здесь нет интенции оскорбить (если бы она была, задержанный выбрал бы формулы типа *Ты (есть) Y*, *Да сам ты – Y* и т. п., то есть назвал бы оскорбляемого тем или иным словом). Следовательно, в случае задержания полицейскими человека в состоянии алкогольного опьянения семантическое и прагматическое наполнение вышеназванных конструкций имеет лишь значение ‘отстань(те) от меня, оставь(те) меня в покое’ и ‘я не хочу с вами общаться’. Иными словами, данные реплики следует классифицировать не

как оскорбление, а как просьбу человека оставить его в покое (*иди в п*****) и как выражение нежелания продолжить диалог (*иди на х***).

Отсутствие акта оскорбления при употреблении данных реплик подтверждается и словарями современной русской разговорной лексики, которые фиксируют следующие значения коллоквиализмов:

1) «**Иди в п******. *Бран. неценз.* Пожелание или требование отстать, отвязаться, прервать всякие сношения с кем- или чем-л. (говорится тому, кто надоел или от кого хотят избавиться или о том, с кем хотят порвать)» [6, с. 438];

2) «**Иди на х****. *Неценз. 1. Бран.* Предложение кому-л. покинуть какое-л. место. *2. Бран.* Решительный отказ в чем-л., указание на неуместность просьб, требований, претензий, осуществляемые в оскорбительной форме пожелания удалиться. *3. Груб. Фам.* Бесцеремонное выражение нежелательности общения с кем-л., отказ от чего-л. *4. Дружеский совет* отказать, не возражать, не препятствовать чем-л.» [6, с. 691].

Как видно из словарных статей, описываемые единицы, несмотря на подчеркиваемый стилистическими пометами их нецензурный и бранный характер, не содержат в себе коммуникативных тактик и стратегий собственно оскорбления, а лишь служат в сниженном регистре русской речи для: а) отказа от чего-л., б) для предложения покинуть то или иное место или как в рассматриваемом случае, в) для пожелания отстать от говорящего и для выражения нежелания продолжать диалог.

Таким образом, анализируемые высказывания, являясь негативными по содержанию, эмоционально-экспрессивными и нормативно-сниженными по форме, не являются неприличными в данной коммуникативной ситуации (задержание), не характеризуют адресата

(полицейский), не несут интенции оскорбить кого-л., а, следовательно, не носят оскорбительного характера.

3. Дела, связанные со сбытом или производством наркотиков

На лингвистическую экспертизу в рамках одного из дел о распространения наркотиков были представлены несколько аудиофайлов (записи телефонных переговоров наркодилера, наркоторговцев и покупателей), с помощью анализа которых требовалось ответить на поставленный судом вопрос: «Имеются ли в представленных на экспертизу диалогах указанных лиц слова и выражения семантической группы “наркотики”?» Сами обвиняемые утверждали, что в данных разговорах речь идет о купле/продаже бензина, а не о наркотических веществах.

Ни один из существующих толковых словарей русского литературного языка по понятным причинам не содержал ни одну из спорных единиц. Однако обращение к словарям субстандартной лексики [12–14], особенно к существующему только в электронном виде «Наркоманскому словарю Баяна Ширяева» [15], позволило атрибутировать использованные в телефонных разговорах следующие единицы как принадлежащие именно к речи наркоманов: *вмазаться* («употребить наркотики»), *машинка* («шприц»), *кропаль* («доза, порция»), *порох* («наркотическое средство в виде порошка»), *на кумарах* («испытывать абстинентный синдром, наркотическое похмелье»), *поставиться* («совершить инъекцию с целью введения в организм наркотика»); *на кумарищах*, *поставиться*; *кайф* и его синонимическая замена *говно* («наркотик»); *диск* («наркотик в таблетированной форме»); *баян* («шприц»); *доза* («обычное количество наркотика»); *на ломах* («в состоянии наркотического голодания»); *порох*, *ставиться* («принимать наркотики»), *инсулинка*

(«двухмиллилитровый медицинский шприц»), *точка* («десятая часть миллилитра раствора наркотика»); *замутить* («приготовить наркотик для внутривенного введения»).

Отдельно отметим, что в силу генетически первичной конспирологической функции жаргона наркоманов, а также подвижности и стремительности обновления этого пласта субстандарта даже объемные по охвату языкового материала словари М. А. Грачева [12], В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [13] не всегда успевают отразить весь спектр жаргонизмов. Все это неминуемо предопределяет необходимость обращения к интернет-словарям жаргона наркоманов.

Итак, словари ненормативной лексики – это важный инструмент в руках лингвиста-эксперта (специалиста), позволяющий решить поставленные перед ним задачи наиболее аргументированно и полно: ссыла на словари

традиционно считается одним из наиболее убедительных аргументов в конфликтной коммуникативной ситуации, отражением которой являются дела, связанные с речевыми правонарушениями.

К наиболее распространенным делам, в проведении экспертиз, по которым есть необходимость прибегать к словарям субстандартной лексики, относятся следующие:

1) по спорным речевым произведениям в связи с гражданскими делами о защите чести, достоинства и деловой репутации;

2) по спорным речевым произведениям в связи с обвинениями в оскорблении, неуважении к суду, оскорблении представителя власти и др.;

3) уголовные дела, связанные с производством и распространением наркотиков, а также с разжиганием межнациональной, межрелигиозной и др. розни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Русский язык и культура речи:** учебник для вузов / под ред. В. Д. Черняк. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 2009. – 495 с.
2. **Елистратов В. С.** Словарь московского арга: материалы 1980–1994 гг. – М.: Русские словари, 1994. – 699 с.
3. **Голев Н. Д.** Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема [Электронный ресурс] // Юрислингвистика–2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 8–40. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/golev-00.htm> (дата обращения: 20.12.2014).
4. **Козырев В. А., Черняк В. Д.** Русская лексикография: учебн. пособие. – М.: Дрофа, 2004. – 286 с.
5. **Бринев К. И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.
6. **Химик В. В.** Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
7. **Большой толковый словарь русского языка** / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. – 1536 с.
8. **Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: URSS – ЛКИ, 2008. – 284 с.
9. **Баранов А. Н.** Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.

10. **Ефремов В. А.** Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «‘мужчина’ – ‘женщина’»: дисс. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург, 2010. – 406 с.
11. **Понятия** чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004. – 328 с.
12. **Грачев М. А.** Словарь тысячелетнего русского арго. – М.: Рипол Классик, 2003. – 1120 с.
13. **Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.** Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000. – 717 с.
14. **Никитина Т. Г.** Молодежный сленг: Толковый словарь. – 2-е изд. – М.: АСТ, Астрель, 2009. – 1102 с.
15. **Наркоманский** словарь Баяна Ширяева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blogs.privet.ru/user/brockhurst/4715287> (дата обращения: 20.12.2014).

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.03)

Efremov Valerii Anatolievich, Doctor of Philology Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.
E-mail: valef@mail.ru

DICTIONARIES OF SUBSTANDARD LANGUAGE IN LINGVO EXPERT PRACTICE

Abstract

The article examines the use of slang dictionaries in the process of forensic linguistic examination. At the same time it demonstrates the impossibility of using dictionaries of the standard Russian language only for examination tasks. The paper target is to demonstrate the specific usage of slang lexicography in the expert's activities depending on the type of verbal offense. The article examines the possibility of using dictionaries of non-standard language in the frames of three types of offenses: protection of honour, dignity and business reputation, an insult to the authorities, police, judges, etc and crimes connected with the sale or manufacture of drugs. The first two cases are the most common type of verbal offenses for which the linguistic expertise is usually prescribed. But there are still some unsolved problems among legal professionals and linguists, i.e.: what can we consider as verbal insult? Does any swear word automatically become abusive? What is the role of context in the classification of a word as a juristic case of insult? This paper proposes a methodological solution to these questions, based on the authority of lexicographical sources generally recognized into the scientific community. At the same time in connection with crimes related to special jargon (for example, drug addicts' slang), the article proves the necessity to use not only paper dictionaries, but also the electronic lexicographical sources.

Keywords

Forensic linguistic examination, slang dictionaries, verbal offense.

REFERENCES

1. *The Russian language and Speech culture.* (Ed.) V. D. Chernyak. Moscow, High school Publ., 2009, 495 p. (In Russian)
2. Elistratov V. S. *Moscow slang dictionary.* Moscow, Russian Dictionaries Publ., 1994, 699 p. (In Russian)
3. Golev N. D. Juridization of the natural language as a linguistic problem. *Forensic linguistics–2. The Russian language in its natural and legal existence.* Barnaul, 2000, pp. 8–40. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/golev-00.htm> (accessed 20.12.2014). (In Russian)
4. Kozyrev V. A., Chernyak V. D. *Russian lexicography.* Moscow, Drofa Publ., 2004, 286 p. (In Russian)
5. Brinev K. I. *Theoretical linguistics and forensic linguistic examination.* Barnaul, Altay State Pedagogical Academy Publ., 2009, 252 p. (In Russian)
6. Khimik V. V. *The large dictionary of the Russian expressive colloquialisms.* Saint Petersburg, Norint Publ., 2004, 768 p. (In Russian)
7. *Big Dictionary of the Russian Language.* Ed. S. A. Kuznetsov. Saint Petersburg, Norint Publ., 2001, 1536 p. (In Russian)

8. Issers O. S. *Communicative strategies and tactics of the Russian language*. Moscow, URSS – LKI Publ., 2008, 284 p. (In Russian)
9. Baranov A. N. *Forensic linguistic examination of text: theory and practice*. Moscow, Flinta Publ., Science Publ., 2007, 592 p. (In Russian)
10. Efremov V. A. *Dynamics of the Russian language picture of the world: verbalization of the conceptual space “man-woman”*. Saint Petersburg, 2010, 406 p. (In Russian)
11. *The concepts of honour, dignity and business reputation: Controversial media texts and problems of their analysis and evaluation by lawyers and linguists*. Ed. A. K. Simonov and M. V. Gorbanevsky. Moscow, Medea Publ., 2004, 328 p. (In Russian)
12. Grachev M. A. *Millennial Russian slang dictionary*. Moscow, Ripol Classic Publ., 2003, 1120 p. (In Russian)
13. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Big Dictionary of the Russian Slang*. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000, 717 p. (In Russian)
14. Nikitina T. G. *Youth Slang: Dictionary*. Moscow, AST-Astrel Publ., 2009, 1102 p. (In Russian)
15. *Drug Slang Dictionary by Bayan Shiryayev*. Available at: <http://blogs.privet.ru/user/brockhurst/4715287> (accessed 20.12.2014) (In Russian)